

Отблески судьбы Лакиеров

Малюкова Л.

В осенние лунные вечера старые дома выглядят как-то по особому таинственно. Кто проходил мимо, тот не мог не ощутить их тихой задумчивой прелести. Точно призраки дремлют они под сводами звездной симфонии, и кажется: легкие тени забытых предков кружат над их седыми фронтонами, напоминая живущим: «И мы были когда-то на этой земле».

В тот сентябрьский вечер я почувствовала это особенно остро, когда у высокого особняка на улице Петровской меня вдруг остановил чей-то незнакомый голос: «А вот здесь жил Лакиер. Вы слышали о нем?». Было забавно: интерес к этому имени я испытывала давно. Но вот так, внезапно, напомнить о нем отдавало по крайней мере загадкой.

— Лакиер! Это который? — не без удивления произнесла я.

— Да титулованный советник, Марк Александрович, отец которого был женат первым браком на дочери издателя Плетнёва, — пояснил незнакомец.

Щедрость такой осведомленности ещё более удивила меня. Какое-то мгновение я с любопытством смотрела на незнакомца, и вдруг, начиная что-то припоминать, почти выпалила:

— Не тот ли это Плетнёв, друг Пушкина и наследник его «Современника»?

— Он самый, — не без внутреннего торжества услышала я в ответ.

— Так ведь это его малолетнюю дочь Ольгу, будущую жену Лакиера, поэт опекал и приветствовал в письмах. Как же! Непременно, знаю. Особенно письмо Плетнёву, опечаленное смертью любимого Дельвига: «Дельвиг умер... умрёт и Жуковский, умрём и мы. Но жизнь еще богата. Новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастит невестой...»

Теперь уже незнакомец смотрел на меня с неменьшим любопытством. Чувствовалось, что завязывается любопытный диалог, интригующий и заманчивый.

Прогноз-то оправдался, — продолжал он, — Ольга стала невестой, потом женой Лакиера Александра Борисовича. Но судьба отвела и ей очень короткий срок: умерла, как и её мать, в 23 года — на четвертый день после рождения сына.

- Какая трагедия! — невольно вырвалось у меня. — А что же было дальше? Как сложилась судьба Лакиера?

Пушкинская пора и Лакиеры — эта белая страница в истории русской культуры не могла оставить меня равнодушной. Незримая связь минувшего и настоящего странным образом охватила всё моё существо.

Было очевидно, что от этой магически навязчивой темы мне уже не уйти.

— А дальше, убитый горем супруг нашел спасение в науке: юриспруденцию соединил с геральдикой. Потом бросился в кругосветное путешествие. Изъездил всю Европу и Азию. Дошёл даже до Америки. И уже будучи надворным советником, тщательно изучил юг России. Но потянуло на родину — в Таганрог; может быть потому, что в Петербурге познакомился с богатой гречанкой Варваца, тоже таганроженкой, и, женившись на ней, до конца жизни осел в родном городе. Впрочем, и его век был недолог: скончался на 46 году. Но память о себе оставил, как о великом благотворителе и учёном.

— Марк — его сын? — спрашиваю с надеждой не пропустить ценную информацию.

— Марк был третьим ребёнком в семье. А род Лакиера оказался весьма ветвист. Неизвестно только, как сложилась судьба сына Александра Борисовича — Петра от Ольги Плетнёвой. Но есть сведения, что его воспитанием занимался не только Плетнёв, но и детская писательница Ишимова, которой Пушкин адресовал неотосланное письмо перед самой дуэлью. Сохранилось воспоминание, что он был страстным патриотом Петербурга и оставил за собой фамилию своей матери: не мог допустить Плетнёв, чтобы семейный род прервался, ведь Ольга была его единственным ребенком. А вот потомки Лакиера от брака с Варваца — весьма любопытная страница. Многие из них породнились с петербургской знатю. Но странных историй здесь оказалось немало. Только Марк до конца остался верен Таганрогу. Умер тоже рано, оставив пятерых детей.

— И все, кажется, ушли в эмиграцию.

— От Лакиеров остался не только этот особняк. Очень многое. А какие были сады! Плоды поставляли самому императорскому двору. Вон там, — сделал мой собеседник движение рукой в направлении Михайловки и затем вправо — к станции Поляковской, — всё пространство заполняли сады и левкой!

И вдруг неожиданно прервав свой рассказ, он как-то по-дружески, просто, обратился ко мне:

— Поезжайте в Поляковку, на Золотую Косу. Ведь там имение Лакиеров. Оно может очень многое рассказать вам.

— Неужели ещё что-то сохранилось? — удивилась я.

— Кое-что. Но торопитесь. Очень скоро может исчезнуть и это. Время — вещь беспощадная.

Мы распрощались. Незнакомец ушёл, а я вдруг вспомнила, что даже не спросила его имени. Было ясно: надо спешить, чтобы увидеть безнадежно ускользающие тени былого. Веду переговоры с художником Алексеем. Его, человека искусства, нетрудно зажечь. Как всегда он готов без промедления идти куда угодно на «зов предков».

И вот мы в пути. По гладко накатанной дороге цвета маренго мчимся по направлению к Поляковке. Был тот ранний вечер на уклоне к осени, когда солнца кегельный шар неумолимо катится к горизонту, разливая золотой свет по тонко зачёсанным небесным сединам. С полей веяло горьковато-терпким настоем позднего разнотравья, и чуть усталые от летнего зноя деревья по обе стороны дороги едва покачивали привядшей багровеющей листвой. Где-то в кильватере мысли невольно возникло далекое, будоража уснувшую человеческую память. Вот по этой самой дороге не один век назад проходили поколения, смотрели на этот пленительно сказочный закат, вдыхали дурманящий аромат полевых трав, любили, страдали, умирали. Кто они? И куда ушли? В какие неведомые края их занесла лихая непокорная тройка и там, оставив с житейской небрежностью, хрипя и надрываясь, умчалось к новым заждавшимся седокам? Гудит мотор. Подрагивают сиденья салона. Рвется от бешеной скорости встречный ветер в окно. Но не догнать и на полном аллюре нашему автомобилю той неустойчиво шальной тройки, что вечно несется к берегам туманной непостижимости. Каждый это знает, но какая-то магическая сила уносит назад, туда, к «подкапризовой тропе», где вечно чудится неодолимый зов пращуров.

Дорога резко свернула вправо, внезапно обнажив великолепный сельский пейзаж. По обе стороны её благоухали роскошные цветники, тянулись к небу пирамидальные тополя. Позади их, у самой домово́й изгороди, видны были невысокие струганные лавочки. На некоторых из них расположились люди. Точно так же и сто лет назад они сидели, смотрели на дорогу, вздыхали по минувшему, по безвозвратно промчавшейся молодости, как будто бы вторя страстному заклинанию поэта: «Не гляди же с тоской на дорогу и за тройкой во след не спеши».

Село проехали. Роскошные цветники сменились беспорядочным пыльным кустарником. Но что-то не видно старинных особняков: всё больше новые строения с

опознавательными знаками домов отдыха, каких-то коллективных и частных владений. Лишь вдали, в глубине села, горели в предвечернем блеске золотые купола высокого храма. Кто-то из местных жителей направил нас к морю. Сворачиваем в сторону, и теперь уже почти по бездорожью прыгает машина, вгрызаясь в асфальтовые выбоины и выныривая с яростью расвирепевшего зверя. Нас окружала одичавшая природа с вековыми деревьями. Невольно подумалось: вероятно, здесь. А вот и старинные постройки, длинные, одноэтажные, с редкими и узкими оконными прорезями. Похоже, складские помещения. И вдруг, как будто из под земли, на самом краю обрыва, прямо перед нами возник остаток кирпичного строения. Выходим из машины. И мгновенно в лицо пахнуло сияющей вечностью. С головокружительной высоты вся лагуна была видна как на ладони. Внизу серым отливом чёрных шелков шелестело безлюдное море. На отлогом песчаном берегу плакали ивы, дремали одинокие лодки, а у самого горизонта, где край неба тонкой алеющей полосой сливается с морем, прощальный луч солнца разливал по всей зеркальной глади сонные жемчужно-янтарные блики. Пораженные этой красотой, мы молча стояли у затравеневшей на стыках каменных глыб небольшой площадки. Наш взгляд невольно остановился на груде отутюженных камней. Бесформенные, они лежали внизу обрыва, слушали шум беспечной волны. Да ведь это разбитые мельничные жернова! Присмотревшись, их можно было узнать по еще сохранившимся железным каёмкам вокруг ноздреватых серовато-бурых глыб. Невольно всплыла поэтическая аналогия: «Вот мельница. Она уже развалилась. Весёлый шум её колёс умолк». Теперь шумит только море. Время мельницы кончилось вместе с её хозяевами. Мне очень хочется, чтобы эту божественную красоту минувшего Алексей перенёс на свои удивительные полотна. Я вижу, как он ловко карабкается вверх по конусообразной стене, оставшейся от мельницы: оттуда море предстает ещё более фантастическим.

Неожиданно вечернюю тишину прорезал встревоженный женский голос: «Да ведь свалишься! Она же качается!». Но жутко и пленительно ощущать красоту уходящего и вечного. Что перед нею чувство опасности? Я вижу это в чёрных зрачках искрящихся глаз Алексея, во всем его облике, открывающем что-то вольное, по-цыгански озорное. Вот он легко спрыгивает и пружинистым шагом подходит к нам. Женщина стояла среди нас, как свидетель мерцающей истории. Мы забрасываем её вопросами. На помощь ей приходит ещё один «сторожил» этих загадочных мест. Завязывается тот непринуждённый разговор, в котором преобладает лёгкость располагающего экспромта.

- Лакиер? — чуть удивившись, спрашивает женщина. И тут же с какой-то неожиданной радостью обладателя тайны делает жест в сторону длинных облупившихся строений: «Это всё его, Лакиера, складские помещения. Прочно стоят, потому что строили на совесть. Вот только мельница не устояла: море её подмыло. А какое это было строение! Таких сейчас и не встретишь. От ветра работала. Я еще помню: здесь раньше всегда было многолюдно. С зерном приезжали с Золотой Косы и Поляковки, со всего округа. Хорошая была мельница».

Да, строили добротно и с душой. Но море и небо остались, а мельница теперь напоминает о себе только остатком острообразной стены, время от времени роняя тяжёлые камни в шумящую бездну. Не спасло её и включение в донской путеводитель: «Памятник 19 века». И мне вспомнился другой памятник — на тверской земле по дороге к ахматовским местам: Градницы. 1989 год. Одинокая среди развалин, чудом уцелевшая стена уникальной церкви с размытыми дождями ликами святых и наспех прибитым оповещением: «Памятник 18 века. Охраняется государством». Видно, и памятники теряют память. Другие пришли времена — не до памяти: на небосводе сменились астральные вензеля, и доу джонсы слиняли.

А женщина продолжала знакомить нас с историей лакиеровских мест.

— Из последних Лакиеров здесь больше всех жил Иван. Сказывали, суров был, но и отходчив. Да все они приезжали сюда. Ведь какая красота! Вы посмотрите на их особняк. Он тоже на берегу. Совсем рядом.

Женщину перебил немолодой мужчина:

— Нет, вы лучше сначала поезжайте к Анатолию Бубнову. Вот уж кто знает о Лакиерах! Тут недалеко его дом. Налево от дороги — первый. — Не думайте, что здесь всегда было так неухожено: заросли да мусор. Зато у нас какие небо и море!

На прощание он протянул нам через окно машины осколок красноватой черепицы.

— Это всё, что осталось от кирпичного завода Лакиеров.

С любопытством и благодарностью рассматриваю подаренную мне реликвию: вероятно, часть навесной таблички — вверху по гладкому срезу длинным закруглением прошла тонкая виньетка, а промеж линейных впадин отчетливо проглядывает славянской вязью: Лакиерь.

Есть что-то магическое в прикосновении современного человека к старинным предметам: будто чья-то погребённая тень под слоем вековой пыли воскресает в лучах исходящего света. И уже совсем неважно: солнечный он или лунный — важно, что живой. Но чья рука сотворила этот старинный предмет? Кто прикрепил его к стене особняка, оповещая о принадлежности владельцу? Когда-то Пушкин открыл миру тайну прочтения по случайно найденным предметам чьей-то отшумевшей жизни. Во врученном мне черепичном осколке таилась незнакомая трагическая судьба, отчалившая под гибельный вой революционной стихии к чужим далёким берегам, и там с ностальгической обреченностью затерявшаяся и сгинувшая в неизвестности.

Особняк Бубнова мы нашли без труда. Хозяин оказался гостеприимным и словоохотливым. Мне не терпелось задать ему один из самых волнующих меня вопросов, который каким-то странным образом касался семейства Лакиеров. Однажды в печати промелькнули не то сведенья, не то отголоски случайной молвы о службе фашистам в войне 41 года последнего потомка из рода Лакиеров. Будто бы, в долине Поляковки он с невероятной жестокостью расстреливал мирных граждан, а с приходом советских войск его настигло возмездие. Но невероятным представлялся сам факт появления 30-40 летнего Лакиера в местах его родового имени. Возникал вопрос: как он оказался в момент немецкой оккупации на советской территории? Ведь доподлинно известно, что все Лакиеры в 20-м году покинули Россию. Впрочем, в их роду была весьма экстравагантная ветвь. У одной из дочерей Александра Борисовича родилась дочь Шура, этакое странное существо: увлекалась идеями народовольчества, революции, стреляла в министра императорского двора (чтобы спасти от каторги, богатые родственники объявили её сумасшедшей), танцевала в балетной труппе знаменитой Гельцер, состояла в браке и имела дочь, бросив её на попечение своих родителей, а возвратившись из длительных «гастролей», привезла еще одного ребенка, рожденного от тайного фаворита... Но затерялись во времени и её следы. Лишь слабым отзвуком до нас дошли сведения о том, что в годы революции она осталась в России. Может быть, не хотела порывать с труппой Гельцер и с нею самой, ангажированной новой властью (хотя у Шуры, по всей вероятности, своего амплуа в театре не было), а может быть, в разыгравшейся революционной вандее она почувствовала свою опьяняющую стихию, которая поглотила её? Кто знает. Нам остается только предполагать. Но к 20 году, времени массовой эмиграции, дочери Шуры были еще малолетними и в браке состоять не могли. Стало быть, их потомство могло прорасти гораздо позже, и 30-40-летний Лакиер, будто бы появившийся в родовом имени Золотой Косы в 42 году, как непосредственный их потомок, вызывает по крайней мере немалое удивление.

И все-таки своенравная молва всегда оставляет место сомнению. А вдруг ... Я уже готова была задать сакраментальный вопрос, когда наш собеседник неожиданно перевел разговор ко времени войны 41 года.

— В войну здесь кое-что разрушили, но имение Лакиеров со всеми постройками осталось в сохранности. И даже мельница работала: фашистам тоже нужен был хлеб... -

Он немного помолчал, и я решила:

— А что это за история? Будто бы один из них служил немцам и расстреливал мирных граждан...

Я ещё не кончила, как на меня обрушился поток возмущения:

Что вы! Мы такого никогда и не слышали! После 20-го года Лакиеры здесь не появлялись. Да и откуда им взяться, если все они бежали за границу. Расстрелы, конечно, были. Но их проводил один из местных, вот забыл его фамилию. «Фин» его прозвище! Не человек, а зверь. Говорили, будто бы не щадил даже малых детей, такая у него была лютая ненависть к новой России. Эх, приехали бы вы эдак пять — семь лет назад, поговорили бы с его женой Дусей, он и её не щадил. Да теперь уж никого не осталось: ни самой Дуси, ни её близких. Все оно, окаянное время, его не остановишь.

— Да бог с вами, — замечаю я. — Мне совсем не интересен этот «фин». Звериную жестокость и вспоминать не хочется.

— Не скажите, — перебил меня мой оппонент. — Так-то оно так, но без памяти тоже нельзя. Он, конечно, всё видит и всё знает там. — При этих словах взгляд его обратился вниз — к земле, в то время как правая рука энергично указывала куда-то вверх — к поднебесью. — Но и мы должны помнить себя и свою историю, жить по-совести. Отказываться от прошлого, всё равно что потерять себя.

Мне вдруг вспомнились чьи-то забытые слова: «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить». Но так уж, видно, сложилась наша история, что её извилистый путь прошёл через судьбу каждого, и тяжёлый груз воспоминаний, изречённый миру, воспринимается как освобождение. Говорят, что история ничему не учит. Но нас, русских, она по крайней мере вдохновляет, и, как в мутном водоёме, мы извлекаем из неё драгоценные предметы, каждый раз магически всматриваясь в их немой загадочный контур.

— Вот что я вам скажу, — слышится мне сквозь череду размышлений. — Лакиеры, конечно, не стояли в стороне от истории. Самый старший из них — врач, вероятно, родоначальник лакиеровского рода на таганрогской земле, свидетельствовал смерть Александра I...

— А его сын Александр женился на дочери друга Пушкина — Плетнёвой и был вхож в аристократические салоны Петербурга. По всей вероятности, знал и друзей поэта, — не выдержала я. — Интересная личность. Недавно мне встретились в печати сведения о крупнейшем московском архивисте и библиофиле нашего времени Шмарове, который гордостью своих коллекций считал двухтомник Александра Лакиера «Русская геральдика»...

— Этого я не знаю, — услышала в ответ. — Но то, что последнее поколение Лакиеров, живущих на Дону, участвовало в Гражданской войне, об этом кое-что известно. Старики рассказывали, как один из них, кажется, Иван, сражался на стороне белых. А вот расстреливал ли он лично красных, неизвестно. Тогда многие стреляли друг в друга. И среди казаков тоже такая межусобица пошла... Помутился тихий Дон... Стрелок он был, говорили, очень меткий. Любил охоту и в мишень попадал, почти не целясь. А уж какие хозяева были эти Лакиеры! Есть что вспомнить о них. Вон школа, больница, почта, завод... — всё это их строения. Видели особняк на берегу моря? Тоже лакиеровский. Там вокруг много интересного. До сих пор сохранились и деревья еще с тех времен.

— ...Машина уже набирала скорость, когда наш собеседник неожиданно остановил её. Он стал всех угощать. В его руках светились огромные кисти изумрудного винограда.

— Это вам, — проговорил он, улыбаясь. — От Лакиеров и Золотой Косы.

Каким-то шестым чувством я ощущаю в этой изумрудной прозрачности вечную тайну минувших времён: несмотря на жестокие превратности нашей истории, природа не утратила своей исконной щедрости, и виноград и ныне остается эмблемой возрождения и гостеприимства.

Через несколько минут мы точно вынырнули из темных густых зарослей. Через открытые ворота въехали на круглое асфальтированное пространство: центр его замыкал великолепный двухэтажный особняк. По обе стороны широкого фронтона к небу тянулись две пикообразные башни. Невысокие ступени переходили в просторную площадку с плотно закрытой входной дверью. По тому, как вилась и пробивалась трава сквозь их полуразрушенную поверхность, чувствовалось запустение. Казалось, что дрожащие ветви вековых деревьев ищут что-то до боли близкое и безнадежно ушедшее. Я смотрела на эту отшумевшую жизнь, слушала быстрые шаги Алексея в безмятежной тишине, и бездна несказанной грусти поднималась во мне. Почему покинут этот тоскующий особняк, похожий на сказочный дивный терем? Пренебрежение ли памятью его владельца? Или эпохе требуются новые критерии зодчества? Глядя в глубь одичавшего сада, невольно возникают отблески обжигающей трагедии: где-то за деревьями на одинокой скамье сидела Она, молодая селянка, влюбленная в своего хозяина. Как сохранило предание, покидая Россию, он, обременённый семейными узами, покинул и Её. А Она, будто бы, потом часто приходила в его опустевшее имение, садилась на берегу и подолгу смотрела с надеждой в безбрежный морской горизонт: не появится ли там тоскующая тень её возлюбленного.

Через заросли узкого бокового прохода мы обошли особняк с тыльной стороны: здесь, с моря, он был весь увит густым разросшимся по стенам лиловеющим плющом. Чуть поодаль от него частые кусты проваливались в мокрую синь. В двух десятках метров внизу сапфировым блеском тихо плескалось безлюдное море. Никогда мне не приходилось видеть такой божественной синевы. От особняка к берегу вели крутые ступени, но, затравеневшие под густым слоем земли, они едва проглядывали. У самого берега, справа от особняка, виднелись развалины какого-то древнего строения. Чем оно было раньше — определить случайному заезжему едва представлялось возможным: размытое морем, оно давно уже потеряло свою прежнюю форму. Но странным блаженством веяло вокруг. Я спрашиваю Алексея, не хотел бы он жить среди этой идиллической тишины. На меня смотрит чуть удивлённый взгляд: «Летом возможно. Зимой, скорее всего — нет», — доносится до моего слуха. Я задаю подобный вопрос, зная о жгучем пристрастии его к старине. В художественном салоне Алексея оживает мир давно уснувших вещей. В нём можно увидеть многое: от старинного резного канопа до почерневших от времени ветхих альбомов. Из ростовского антикварного магазина он переправил даже массивный чёрный диван, на скрытой стороне которого сохранились адрес его владельца, имя и год приобретения: 1914. Но вот, оказывается, окончательно переселиться в прошлое ему не хочется. Он — современный человек, любит общество. Мне приходилось наблюдать, как Алексей работает: в салоне многолюдно и шумно, звучит музыка, а он будто не замечает всего этого, уходит в себя. Я вижу, как его рука уверенно и сосредоточенно водит кисть по холсту. «Не мешают?» — спрашиваю. «Всё бывает», — отвечает он как-то мимоходом, не прерываясь и ещё более вглядываясь в линии причудливых красок.

Да, время не имеет обратного адреса. Трудно представить нам себя, живущим одновременно в мире сумасшедших скоростей, невероятного напряжения и в эпохе столетней давности. Слишком велик натиск нашего шального времени.

— ...На фоне старинного особняка и пленительного заката мы едим сладкий виноград, выращенный на древней приморской земле Золотой Косы. В глаза нам смотрит вечность. Из облачного тумана медленно выплывает, подобно дымному ирису, бледная луна. Тонкие тени сгущаются и совсем исчезают. Мы отъезжаем. Сквозь волшебную тишину скрипичным звуком, совсем рядом, до нас доносится скрежет отодвинутого железа. Но набирающий силу гул машины поглощает его, и теперь уже я могу только представить, как где-то на краю земли, у самой кромки моря, осталась блаженная тишина, а среди одичавшего сада одиноко стынет покинутый всеми таинственный особняк. И чудится, будто бегут вслед за нами чьи-то забытые тени в то же и надежде поклониться родной земле и слиться с нею навеки.